Автор: admin
02.07.2010 09:47 - Обновлено 15.10.2010 03:35

Психологический комментарий к "Книге мёртвых"

[Комментарий к книге: *Das tibetanixhe Totenbuch,* hg. von W.Y.Evans-Wentz, Rascher, Zurich 1935. Neuauflage 1957.]

Прежде чем начать психологическое толкование, мне хочется сказать несколько слов о самом тексте. Тибетская Книга Мертвых, или Барда Тодол, является книгой наставлений для мертвого или умирающего.

Как и у Египетской Книги Мертвых, ее предназначение - служить путеводителем для помершего во время его пребывания в состоянии Барда, описанного символически как промежуточное состояние в сорок девять дней между смертью и новым рождением.

Сам текст распадается на три части. Первая часть, называемая Чикай Барда, описывает происходящее в психике во время умирания. Вторая часть, Хониид Барда, рассматривает сну подобное состояние, которое следует сразу же за наступлением смерти, состоящее из "кармических иллюзий". Третья часть, Сидпа Барда, начинается с возникновением инстинкта нового рождения и продолжается в виде событий, предшествующих новому рождению.

Показательно, что самое сильное Проникновение и Озарение, а отсюда и самая большая возможность высвобождения, нам пожалованы во время действительного - умирания. Вскоре после того начинается "иллюзорность", которая в конечном счете ведет нас к перевоплощению /реинкарнации/: огни озарения становятся все слабее и разнообразней, а видения все более устрашающими. Этот спуск показывает отчуждение сознания от освобождающего света по мере того, как оно приближается к очередному физическому рождению.

Цель наставления. обратить внимание помершего, в каждой очередной ступени обольщения и запутанной чертовщины, на всегда присутствующую возможность освобождения и объяснить ему природу видений. Текст Барда Тодол читает Лама

возле тела помершего.

Я думаю, что лучше всего я смогу оплатить свой долг признательности двум переводчикам Барда Тадол - Ламе Кази Дауа-Замдап и доктору Звано-Венцу. попробовав при помощи психологического комментария сделать удивительный мир идей и проблем, содержащийся в этом трактате, немного более удобоваримым для западных мозгов. Я уверен, что все, кто прочитает эту книгу с **открытой душой** и кто позволит непредвзятему впечатлению взять свое, пожнет богатый урожай.

Барда Тадол, очень подходяще названное др. Вызвано-Венцем "Тибетская Книга Мертвых", вызвала значительное движение в англоязычных странах во время своего первого появления в 1927 году. Книга принадлежит к числу таких писаний, которые не только представляют интерес для знатоков Буддизма Махаяны. но которые из-за своей человечности и более того - глубинного проникновения в секреты человеческой души, притягательны и для мирянина, который ищет путей расширить свои знания о жизни.

Многие годы, с ее первой публикации, Бардо Тадол была моим постоянным спутником, и ей я обязан не только плодотворными идеями и открытиями, но также и многими самыми основными своими откровениями.

В отличие от Египетской Книги Мертвых, которая всегда побуждает нас к тому, чтобы сказать либо очень много, либо слишком мало. Барда Тодол предлагает членораздельную философию, обращенную к человеческим существам, а не к богам или примитивным дикарям.

Эта философия содержит в себе воплощение Буддийской психологии и в таком виде, надо признаться, остается непревзойденной в своем превосходстве.

Не только "гневные", но и "миротворные" божества понимаются лишь как сансарические /вызванные иллюзиями, заблуждениями цепи рождений/ отображения /проекции/ человеческой психики, - идея, которая кажется самоочевидной просвещенному европейцу, потому что напоминает ему о его собственных банальных упрощениях.

Однако, хоть европеец и сумеет легко отделаться от этих божеств, сделав их отображениями, ему никак не удастся в то же время утвердить отдельную их реальность.

Бардо Тодол может это сделать, потому что в некоторых своих главных метафизических посылках эта книга ставит просвещенного и непросвещенного европейца в очень неловкое положение.

Таковы всегда присущее Барда Тодол, хотя и не высказанное прямо, допущение того, что все метафизические истины по природе своей противоречивы, а также идея качественного различия уровней сознания и связанных с ними метафизических реальностей.

Основа этой книги не скудное европейское "или - или", а великолепное утверждающее **" оба - и"**
.

Это явление может показаться спорным западному философу, поскольку Запад любит ясность и недвусмысленность. Последовательно один философ прилепляется к утверждению: "Бог Есть!" В то время как другой с тем же рвением к противоположному: "Бога Нет!" Что эти враждующие братья будут делать с утверждением вроде следующего: "...Сообразив, что Опорожненная, Чистота твоего разума и составляет высшую Просветленность, и понимая в то же время, что это - по-прежнему твое собственное сознание - ты пребудешь и удержишься а состоянии божественного разума Будды"?

Такое утверждение, я боюсь, столько же неприемлемо для нашей Западной философии, как и для нашей теологии. Бардо Тадол в высшей степени психологична в своих наблюдениях.

А у нас философия и теология еще средневековые, пребывают **на допсихологической ступени** , где

выслушиваются, объясняются, защищаются, критикуются и оспариваются только истины. В то время, как авторитеты, сочинившие эти истины, по общему согласию, помещаются в стороне от предмета и обсуждению не подлежат.

Метафизические утверждения или умозаключения, однако, являются заявлениями определенного состояния души, психики, а потому есть категории **психологические**.

Для западных мозгов, которые компенсируют свои, хорошо известные чувства неприятия рабским почтением к "рациональным" объяснениям, эта очевидная истина кажется уж слишком очевидной, или на нее глядят, как на непозволительную негацию /отрицание/ метафизической "истинности".

Когда западный человек слышит слово "психологический", для него это всегда звучит, как "лишь психологический". Для него "психе" /душа/ что-то досадно малое, нестоющее, личное, субъективное и еще много подобного в том же духе.

Он предпочитает поэтому использовать слово "разум" вместо души, хотя в этом случае он с удовольствием допускает, что истины метафизические, которые и впрямь могут быть весьма субъективными, формулируются "разумом"; разумеется, "Вселенским Разумом" или даже - в случае нужды - самим "Абсолютом".

Такой смехотворный посыл служит,вероятно, возмещением за вызывающую прискорбное сожаление **малость души**. Складывается впечатление, что Анатоль Франс был бесконечно прав. применительно ко всему Западному миру, когда в его "Острове Пингвинов" Катерина Александрийская дает совет Богу: "Дайте им по душе, но по маленькой".

Хотя именно душа, благодаря присущей ей божественной творческой силе, изрекает метафизические суждения и утверждает различия между метафизическими сущностями. Не только душа обусловливает всю метафизическую реальность, она сама Есть эта реальность!

Бардо Тодол и открывается этой великой психологической правдой. Эта книга не молитвенник за упокой, а набор инструкций для помершего, путеводитель по и через переменчивые явления царства Барда, через сушествование, которое длится в течение 49 дней от смерти до следующего рождения.

Если мы на миг пренебрежем вневременностью души - что Восток принимает за саморазумеющуюся истину - мы, читатели Бардо Тодол, без особого труда сможем поместить себя в положение помершего и внимательно обдумать наставление, содержащееся во вступительной части, которое мы выше приводили.

Теперь следующие слова п розвучат не помпезно, а надлежаще-учтивым образом:

- "О благородно рожденный /такой-то и такой-то/, слушай! Ты сейчас испытываешь Блеск Предвечного Света Просветленной Яви. Пойми это. Твое теперешнее сознание, по своей природе Отрешенное, не бытное, Опорожненное, не сформированное, не заполненное чем-нибудь, картинками или впечатлениями, -воспринимает само себя. Оно и есть настоящая Реальность. Благодать. Твой собственный ум, который теперь не-бытен и не наполнен, Опорожнен, Чист, хотя и непуст или беспамятен, но лишь предоставлен сам себе, не замутненный, сияющий, счастливый, - это и есть само сознание, Благодатный Будда". Таково описание Дхарма Каин, состояния совершенного озарения, или, как бы следовало выразить то же самое на нашем языке: творческой почвой всех метафизических суждений является сознание - невидимое, непостижимое проявление самой души /духовности/. Небытность является состоянием, превосходящим /трансцендентным/ все суждения и утверждения. Полнота его отдельных проявлений все еще гнездится подспудно /латентно/ в нашей душе.

Текст продолжает:

"Твое сознание, сияющее, небытное и нераздельное с Великим Блеском Предвечности, не имеет рождения и не знает смерти. Оно само и есть этот Вечный Свет - Будда. Амитаба".

Такая душа /или, как тут названо - наше собственное сознание/ определенно **не маленькая**

, но само сверкающее Божество, Божественность.

Для Запада такое заявление слишком опасно, если не откровенно богохульственно. Либо оно принимается Западом бездумно, чтобы затем пострадать от теософической инфляции. Каким-то образом мы все время занимаем ложную позицию в отношении подобных вещей.

Однако, если мы сумеем справиться с собой настолько, что удержимся от нашей главной ошибки - всегда хотеть чего-нибудь **сделать** с достающимся нам и приспособить это доставшееся к практическому употреблению, мы, по всей вероятности, сумеем извлечь для себя важный урок из этих наставлений.

Во всяком случае, мы хотя бы оценим величие Бардо Тодол, которая удостаивает помершего крайней и высшей правды: что даже боги - это блеск и отражения нашей собственной души. И для Восточного человека солнце от этого не затмевается, не меркнет, как это случится с Христианином, который почувствует, что у него украли Бога. Наоборот, его душа есть свет Божественного. Божествами Божество - есть душа. Восток способен выдержать этот парадокс лучше, чем несчастный Ангелиус Силезский, который, даже по сегодняшним понятиям, психологически находится... намного впереди нашего времени.

Как это умно и точно, что Бардо Тодол отчетливо разъясняет помершему именно **первичность**
души, его духовности, ибо это как раз то, чему жизнь нас не учит. Мы так набиты внутри всяким, что теснится у нас в душе и угнетает, что нам и случая не представляется, в толчее всех этих "очевидных" вещей, задуматься над тем, кем они "очевидятся"? Из этого мира очевидностей вещей померший и освобождается, и цель наставления помочь ему во время этого освобождения. Мы, поместив себя на его место, и себя вознаградим не меньше, потому что из самого первого параграфа мы узнаем, что "очевидетель" всей "очевидности" обитает внутри нас.

Несмотря на всю очевидность этой истины в малом и большом, она никогда нами не осознается, хотя часто это так необходимо, даже жизненно роково для нас, знать эту правду.

Подобное знание, разумеется, годится лишь для созерцателей, которые склонны к размышлению над смыслом существования, для тех, кто, по природе,- Гностики и потому верят в Спасителя, который, как Спаситель у Манденян, называет себя "Гнозисом Жизни" /знанием жизни/.

Вероятно, немногим из нас дано видение мира целиком, как чего-то "очевидного". Тут требуются воистину переворот с ног на голову всех устоявшихся истин и немалая жертва, прежде чем мы сможем увидеть "очевидность" мира, обусловленную самой сутью нашей души.

Гораздо прямее и проще, драматичней, внушительней и поэтому убедительней считать, что все жизненные события случаются со мной, нежели увидеть, как **я даю им возможность случиться**
.

Воистину, животная природа человека заставляет его сопротивляться мысли, что это он - творец обстоятельств!

Вот почему попытки такого научения всегда включали тайное посвящение, вершиной которого, как правило, является символическая смерть посвящаемого, означавшая полный переворот внутреннего отношения.

И действительно, наставление Барда Тодол служит напоминанием помершему о его посвящении и учении его гуру. Потому что наставление это, в основе своей, ничто иное, как посвящение помершего в жизнь Барда. в точности, как посвящение живого было подготовкой для Потустороннего.

Так это было, по крайней мере во всех тайных культах древних цивилизаций, от времени Египетских и Элевсинских мистерий. В посвящении живых, однако, это Потустороннее - не является существованием после смерти; это новое существование при жизни, после крутого поворота души в намерениях и взглядах, психологическая

Потусторонность или, в Христианских терминах, "избавление" от сетей мирского и греха.

Избавление является отделением и освобождением от предыдущей темноты и бессознательности, и ведет к состоянию озарения и отпущения, **к победе и возвышению, над всей "очевидностью"**
.

До сих пор Барда Тодол, как это чувствует и доктор Звано-Венц является процессом посвящения /инициации/, цель которого восстановить для души ее божественность, которую она потеряла при рождении. Для

Восточной религиозной литературы типично начинать учение неизменно самым важным, самыми предельными и высокими принципами и выводами, которые у нас, обыкновенно, идут в самом конце. Как, например, в Апулее, где Луцию поклоняются как Гелиосу только в самом конце.

Инициация в Бардо Тодол таким образом являет собой последовательность все слабеющих климаксов, заканчивающихся новым рождением в утробе.

Единственным "процессом инициации", который еще жив и практикуется сегодня на Западе, является анализ бессознательного, применяемый врачами для терапевтических целей. Это проникновение в глубинные слои сознания является своего рода рациональной maieutics в Сократовском смысле, выкапыванием психического содержания, которое еще в зачатке, подсознательное и пока еще не рождено.

Первоначально такая терапия приняла форму Фрейдистского психоанализа и занималась в основном сексуальными фантазиями.

Это область, которая соответствует последнему и самому нижнему пространству - Бардо, известному под названием Сидпа Бардо, где померший, оказавшийся не в состоянии извлечь пользу из наставлений Чикай и Хониид Бардо, начинает

превращаться в жертву сексуальных фантазий и влечется к зрелищам совокупляющихся пар. В конце концов он ловится чревом /утробой/ и рождается вновь в земную жизнь.

Меж тем вполне понятно, почему Эдипов комплекс начинает работать. Если его карма предопределяет ему родиться мальчиком, он влюбляется в свою будущую вероятную мать, а от своего отца /тоже будущего/ отвратится, как от ненавистного и отвратительного. И обратное, будущая дочь сильно будет привлечена к своему возможному отцу и отвратится от матери.

Европеец проходит сквозь эти характерно фрейдистские владения, когда его бессознательное содержание вытаскивается на свет божий при помощи анализа, но идет он в противоположном направлении. Он движется назад, к чреву /утробе/ через мир сексуальных детских фантазий. В психоаналитических кругах даже предполагали, что травмой главным образом является само рождение - мало того, психоаналитики даже заявляют, что им удалось добраться до памяти внутриутробного существования.

Здесь Западное размышление достигает своего предела, к сожалению...

Я говорю, к сожалению, потому что очень бы хотелось, чтобы фрейдистский психоанализ мог бы жизнерадостно проследовать еще дальше в эти внутриутробные переживания: если бы он преуспел в этом смелом предприятии, наверняка бы мы прошли сквозь Сидпа Барда и проникли бы с обратной стороны в нижние пределы Хониид Барда.

Верно, конечно, и то, что с теперешними биологическими идеями подобное приключение никогда бы не было увенчано признанным успехом: для этого потребовалось бы совсем **иное**
философическое обеспечение, чем то, которое базируется на современных научных допущениях.

Но если бы это путешествие назад было последовательно продолжено, вне сомнения, его результаты привели бы к утверждению доутробного существования, настоящей жизни Бардо. Если бы, только, оказалось возможным обнаружить, по крайней мере,

какие-то следы соответствующих переживаний.

Как бы то ни было, психоанализ не пошел дальше предположительных следов внутриутробного переживания. И даже знаменитая "травма рождения" осталась таким очевидным трюизмом, что вряд ли она способна объяснить что-либо лучше, чем гипотеза, рассматривающая жизнь как болезнь с плохим исходом, потому что ее завершение всегда фатально...

Фрейдистский психоанализ, во всех главных аспектах, никогда не пошел дальше переживаний Сидпа Барда: то есть он не сумел себя выпутать из сексуальных фантазий и подобных "несовместимых" устремлений, которые вызывают тревогу и другие аффективные состояния пациента.

Тем не менее, теория Фрейда - это первая попытка, сделанная на Западе, исследовать снизу, **из животной сферы**, области инстинкта, психическую территорию, которая соответствует в Тантрическом Ламаизме владениям Сидпа Бардо.

Очень понятный страх метафизики помешал Фрейду проникнуть в область "оккультного". Кроме того, состояние Сидпа Барда, если допустить психологию Сидпа Барда, отличается свирепым ветром кармы, который крутит и несет помершего до тех пор, пока тот не достигает "двери-чрева".

По-иному говоря, в мире Сидпа не разрешается возвратного движения, потому что владения Сидпа Барда запечатаны от состояний Хониид Барда сильным, непреоборимым движением вниз, в сторону животной сферы инстинкта и физического рождения.

Это значит, что любой, кто проникнет в это бессознательное владение с чисто биологическими допущениями и представлениями, застрянет в этой области инстинктов и останется неспособным продвинуться дальше, поскольку снова и снова его будет относить назад к физическому существованию.

Вот почему не способна Фрейдистская теория достичь ничего иного, кроме, по существу, негативной оценки бессознательного. Это есть "ничего кроме".

В то же время, надо признаться, что такой взгляд на душу /духовное/ является типичным Западным, только выражен он грубее и проще, и беспощаднее, чем другие осмелились бы то же самое сказать, хотя в глубине они так же считают.

Что значит "разум" в этой связи - трудно сказать. Можно лишь лелеять надежду, что за ним сохранится убедительность. Но как заметил даже Макс Шелер с сожалением, сила такого "разума", мягко говоря, сомнительна.

Я думаю, мы можем считать за факт, что с помощью психоанализа рациональный ум Запада продвинулся вперед в те пределы, которые можно назвать невротизмом состояний Сидпа, и там полностью остановился: неизбежно и по причине нелепого допущения, что все психологическое является субъективным и личным.

Но даже и в этом случае, это продвижение было большим достижением, ввиду того, что позволило нам сделать еще один шаг вслед за сознанием жизни. Это знание дает нам также ключ к тому, как нам следует читать Бардо Тодол - то есть **наоборот**, сзади наперед.

Если с помощью Западной науки мы в какой-то мере преуспели в понимании психологического смысла характера Сидпа Барда, наша следующая цель - посмотреть, не можем ли мы чего-нибудь сделать схожего с предыдущим Хониид Бардо.

Хониид Бардо - это состояние кармических иллюзий - то есть иллюзий, которые вызваны психическим /душевным/ осадком предыдущих существований. По Западной мысли, Карма заключает в себе своего рода теорию психической наследственности,основанную на гипотезе перевоплощений /реинкарнаций/, что, в конечном счете, является гипотезой вневременности души. Ни наши научные знания, ни наши рассуждения не способны шагать в ногу с этой идеей. Слишком много "если" и "однако". Помимо всего, мы слишком плачевно мало знаем о подобных возможностях продолженного существования индивидуальной души после смерти. Настолько мало, что нам даже и непонятно, каким способом можно что-то доказать вообще в этом

отношении.

К тому же, мы еще и уверены /на эпистемологической основе/, что подобные доказательства столь же невозможны, как доказательство Бога. Отсюда мы можем лишь с большой осторожностью допустить идею Кармы, именно если только мы понимаем ее как психическую наследственность в очень широком смысле этого слова.

Психическая наследственность существует - иначе говоря, существует наследование психических особенностей, таких, как предрасположенность к заболеваниям, черты характера, особые таланты и тому подобное.

Никакого насилия психическая природа этих сложных явлений не испытывает оттого, что естественные науки сводят их до того, что представляется **физическим аспектом** /структуры ядер в клетках и т.д./. Все это - основные явления жизни, которые выражают себя, главным образом, психически, подобно тому как имеются другие наследуемые признаки, которые выражают себя, в основ- ном, физиологически, на физическом уровне.

Среди этих наследуемых психических признаков существует особый класс, род, который не сводится ни к семье, ни к расе.

Это универсальные предрасположения ума, которые следует понимать по аналогии с Платоновскими формами, в соответствии с которыми разум, ум организует свое содержание. Можно рассматривать эти формы как категории, по аналогии с логическими категориями, которые всегда и везде присутствуют в виде основных постулатов рассуждения. Только в случае наших "форм" мы имеем дело не с категориями рассудка, а с категориями Воображения. Поскольку плоды воображения всегда визуальные по сути своей, их формы должны с самого начала иметь характер образов, более того - Типических образов. Вот почему, вслед за Святым Августином, я называю их **"архетипами"**.

Архетипы еще можно понимать. как врожденные, вечные Сюжеты, не заполненные определенным культурно-национальным содержанием. Например, таким Архетипом будет Сюжет: Смерть - Воскресение - Преображение. Однако, у одних народов -это

Христианская повесть с Христом. а у других - Птица Феникс иди Дух. (Прим.пер.)

Сравнительное богословие и мифология располагают богатейшими залежами архетипов, как и психология снов и психозов. Поражающий параллелизм меж этими образами и теми идеями, выражению которых они служат, часто вызывал к жизни самые безумные теории миграции народов, хотя много естественней допустить замечательное подобие человеческой психики во, все времена и во всех местах.

Архетипические формы-фантазии на самом деле воспроизводятся спонтанно всегда и везде, без какого бы ни было даже мыслимого следа прямого заимствования. Основные структурные компоненты психики не меньше поражают своей однородностью, чем сходство видимых частей нашего тела. Архетипы являются, так сказать, органами до-рациональной психики. Они суть изначально наследуемые формы и идеи, которые не обладают /не наполнены/ конкретностью содержания. Их особенное наполнение появляется только во время индивидуальной жизни, когда личный опыт осмысляется на языке этих форм. Если бы архетипы не были предсущими в одинаковом виде повсюду, как объяснить совпадение меж подчеркиванием почти повсюду в Бардо Тодол, что помершие не знают, что они померли, и столь же частым сходным утверждением повсюду в мерзкой полуиспеченной литературе Европейского и Американского Спиритуализма?

Хотя мы находим такое же утверждение у Сведенборга, трудно предположить, чтобы его писания были так широко распространены, что этот штришок знания был доступен любому "медиуму" из маленького городка. А связь меж Сведенборгом и Бардо Тодол совершенно немыслима для того времени.

Это исконная, универсальная идея, что помершие просто продолжают свое земное существование и не догадываются, что они бестелесные духи, - архетипичная идея, которая тут же обретает зрительное выражение, стоит кому-то увидеть привидение. Замечательно, что у привидений по всему миру есть много общих черт.

Естественно, я предполагаю существование недоказуемой спиритуалистической идеи, хотя у меня нет желания делать ее своею. Я должен удовлетвориться гипотезой существования вездесущей, хотя и многообразной, психической структуры, которая наследуется и которая с необходимостью задает определенную форму и направление всему опыту жизни.

Подобно тому, как органы тела - Это не куски безразличной пассивной материи, но динамические, действенные комплексы, которые заявляют себя и утверждают с властной настойчивостью, так и архетипы, будучи органами психики /души/ - Суть очень динамичные, полные жизни **комплексы**, которые определяют жизнь психическую до степеней поразительных. По этой причине я называю их еще
Доминантами бессознательного
.

Тот слой бессознательной психики, который сложен этими универсальными динамическими формами, я определил, как **коллективное подсознание**.

Насколько я знаю, не существует наследования индивидуальной, дорожденческой или доутробной памяти, но несомненно существует наследование архетипов, которые поначалу, однако, не наполнены содержанием, потому что, прежде всего, в них не содержится личного опыта. Они возникают в сознании, когда личный опыт жизни делает их видимыми, обрисовывает, **проявляет** их.

Мы видели, что психология в Сидпа Бардо заключается в желании жить и вновь родиться /Сидпа Барда недаром называется по-другому "Барда Ищущего Рождения"/. Такое состояние, поэтому, исключает любое испытание сверх личных психических реальностей, если только померший не отказывается категорически вновь рождаться в мире сознания.

По учению Бардо Тодол, для такого "отказанта" в любом из состояний Бардо существует возможность достичь Дхарма Каин, путем преодоления четырехликой Горы Меру, разумеется, если он не поддастся желанию последовать за "тусклыми огнями". Это все равно, что такое сказать: мол, померший должен отчаянно сопротивляться диктату рассудка, как мы его понимаем, и расстаться с верховенством индивидуального, рассматриваемого рассудком как святое.

Что сне означает на практике - это полная капитуляция перед объективными силами психики, со всеми вытекающими последствиями: своего рода символическая смерть, соответствующая Суду Помершего в Сидпа Барда. Это означает конец всего сознательного, рационального, морально ответственного поведения жизни, и

добровольная сдача тому, что Бардо Тодол называет "кармическими иллюзиями".

Кармические иллюзии берутся из суеверий и веры исключительно иррациональной природы в нашем виденческом мире, которые никак не совпадают и не выводятся из наших рациональных суждений, но являются исключительным произведением /продуктом/ раскрепощенного воображения.

Это чистый сон или "фантазия", и всякий "благонамеренный" человек мгновенно предостережет нас против этого. И безусловно нелегко увидеть, в чем заклю- чается различие с первого взгляда меж фантазией такого свойства и фантасмагорией лунатика. Зачастую лишь легчайшее abaissement du niveau mental требуется, чтобы спустить со сворки этот мир иллюзий.

Ужас и мрак этого мига подобен тому состоянию, которое описывается в первом разделе Сидпа Барда. Но содержание этого Бардо также обнаруживает архетипы, - кармические образы, которые появляются сначала в их устрашающем обличье.

Состояние Хониид Барда полностью подобно намеренно вызванному психозу.

Многие часто слышат и читают об опасностях йоги, в особенности пользующейся дурной репутацией Кундалини - йоги. Обдуманно вызванное состояние психоза, которое у некоторых неустойчивых индивидуумов может легко перейти в настоящий психоз, и является той опасностью, к которой следует очень серьезно относиться. **Эти шутки по-настоящему опасны и не следует в них соваться в нашей типической Европейской манере.**
Это шутки и сованье в судьбу, рок, который бьет и рубит самые корни человеческого существования и способен высвободить такое море страдания, которое человеку в здравом уме и не снилось!

Эти страдания соответствуют мучениям в Хониид Бардо, описанным в тексте так:

"Тогда Бог Смерти обмотает вокруг твоей шеи веревку и потащит тебя за собой, он

отрубит тебе голову, вырвет твое сердце, выдернет твои кишки, высосет из черепа мозги. выпьет кровь и будет есть твою плоть, разгрызая кости. Но ты не сможешь умереть. Даже когда тело твое изрублено в кусочки, оно вновь оживет. Снова тебя разорвут на части и вновь ты ощутишь страшную боль и пытку".

Эти пытки точно описывают действительную природу опасности - распад целостности тела в Бардо, которое является своего рода "тонким телом", составляющим видимый конверт, оболочку, психического Себя в послесмертьи.

Психологическим эквивалентом этого расчленения служит психическая диссоциация личности пациента. В тяжких случаях - это шизофрения /расщепление мозга/ Это, наиболее частое из психических заболеваний, состоит, выражается в основном в заметном утишении или отключении рассудка, здравого смысла, которое упраздняет нормальную критическую проверку, навязываемую сознательным рассудком, и, таким образом, дозволяет неограниченный разгул подсознательных "доминант".

Переход, тогда, из Сидпа Барда в Хониид является опасным обращением целей и намерений сознательного разума. Это заклание устойчивости Себя, Эго и подчинение, сдача на милость исключительной неопределенности того, что должно показаться хаосным бунтом фантасмагорических форм и стихий.

Когда Фрейд создал фразу, что Эго служит "истинным вместилищем беспокойства", он предоставил слово самой верной и глубинной нашей интуиции. Страх самопожертвования прячется глубоко в каждом Эго, и этот страх часто лишь ненадежно с трудом контролируемое, сдерживаемое требование подсознательных сил выметнуть наружу во всей силе.

Никто из тех, кто тщится в самоосмыслении /индивидуации/, не пощажен от опасностей этого прихода, потому что то, что боится, также принадлежит целостности Себя - до-человеческому или сверх-человеческому миру психических "доминант", от которых Эго первоначально освободило себя с огромным трудом, да и то лишь частично, ради более или менее иллюзорной свободы.

Это освобождение безусловно очень необходимое и весьма героическое предприятие,

но оно не окончательное: это всего лишь творение "субъекта", который, чтобы найти удовлетворение, все еще должен выстоять против "объекта". На первый взгляд, это кажется именно тем миром, который прямо пухнет от возможностей достижения такой цели. Тут мы ищем и находим наши сложности, там мы ищем и находим наших врагов, здесь мы ищем и находим, что дорого и драгоценно нам: очень утешительно знать, что все зло и все добро находится Там, Снаружи, в видимом, где можно победить, наказать, разрушить или насладиться этим. Но природа не допускает этому райскому состоянию длиться вечно. Находятся такие люди, всегда находятся, которые не могут не замечать, что мир и личный опыт по природе своей символичен и что в действительности мир отражает нечто, лежащее, спрятанное в субъекте самом, в его сверхсубъективной сущности. Именно из этой глубинной интуитивности понимания, в соответствии с ламаистской доктриной, состояние в Хониид Бардо черпает свою истинную суть.

Вот почему Хониид Бардо озаглавлено: "Барда Испытывающего Реальность".

Реальность испытываемых состояний Хониид Барда есть, как пишет про то последняя часть соответствующих наставлений, реальность мысли. Мыслеформы кажутся реальностью, фантазии облекаются плотью, и устрашающие сны, вызванные кармой и разыгранные подсознательными "доминантами", начинают сниться. Первым появляется, если читать текст сзади наперед, все разрушающий Бог Смерти, эпитома всех ужасов. За ним следуют 28 власть предержащих и зловещих богинь и 58 богинь, пьющих кровь. Несмотря на демонический аспект, который выглядит спутанным хаосом жутких черт и уродств, виден уже некоторый порядок. Мы видим собрания богов и богинь, которые упорядочены по четырем направлениям и различаются присущими им мистическими тонами.
Постепенно становится ясно, что все эти божества организованы в "Мандалы" или круги, содержащие четырехцветный крест. Цвета сообразны четырем аспектам мудрости:

1) Белый - световая тропа мудрости зерцала
2) Желтый - световая тропа мудрости восприятия
3) Красный - световая тропа мудрости различения
4) Зеленый - световая тропа мудрости всесвершения
На более высоких ступенях сознания померший знает, что настоящие мыслеформы, все, исходят из него самого и что четыре световых тропы мудрости, которые перед ним появляются, суть излучения его собственных психических способностей.

Это напрямую нас приводит к психологии ламаистской мандалы, которую я обсуждал

уже в книге, опубликованной совместное покойным Рихардом Вильгельмом "Секреты Золотого Цветка".

Продолжая наше восхождение в обратном порядке через пределы Хониид Барда, мы наконец приходим к видению Четырех Великих: зеленый Амогха - Сидхи, красный Амитаба, желтый Ратна - Самбхава и белый Вайра - Саттва. Подъем заканчивается лучезарным голубым светом Дхарма - Дхату, тела - Будды, который пламенеет в центре мандалы из сердца Вайрочаны.

Этим завершающим видением исчерпываются кармические иллюзии: сознание, отнятое от благодатной груди всех форм и всех привязанностей к объектам, возвращается к вневременному рудиментарному /изначальному/ состоянию Дхарма-Кайя. Так /обратным чтением/ достигается состояние Чикай, которое наступает в момент смерти.

Я думаю, этих пояснений достанет, чтобы дать внимательному читателю некоторое представление о психологии Бардо Тодол.

Книга описывает путь посвящения в обратном порядке, которое, в отличие от эсхатологических ожиданий Христианства, приготавливает душу для нисхождения в физическое существование. Предельно интеллектуализированная и рационалистическая мирорассудочность Европейцев подсказывает нам эту более подходящую обратную последовательность Бардо Тодол, которую можно рассматривать, как отчет об опыте Восточной инициации /посвящении/, хотя каждый волен, если того пожелает, подставить христианские символы вместо богов в Хониид Бардо.

В любом случае, последовательность событий, как я только что описал ее, предлагает близкую параллель с феноменологией Европейского подсознания, когда оно претерпевает "процесс посвящения", то есть когда его собираются анализировать.

Преображение подсознания, которое случается в процессе анализа, делает этот анализ естественным аналогом религиозной церемонии инициации /посвящения/. Хотя последние в принципе отличаются от естественного процесса посвящения в том, что естественный ход событий предвосхищается, и спонтанное рождение знаков

подменяется тщательно отобранным набором символов, предписанных традицией. Мы можем увидеть это отчетливо в сочинениях Игнатия Лойолы или в медитационной ноге Буддизма и Тантризма.

Обращение порядка глав, которое я предложил здесь, с целью помощи в понимании, ни в какой мере **не совпадает** с изначальным назначением Барда Тодол. Так же не созвучны и психологические упражнения, которые вторичны по своим намерениям, хотя, быть может, и не вызвали бы возражений у ламаистов.

Действительная цель этой исключительной книги, которая быть может покажется очень странной образованному Европейцу двадцатого столетия,- просветить помершего в его путешествии через просторы Барда.

Католическая Церковь является единственным местом в мире для белого человека, где как-то пекутся о душах ушедших. Внутри Протестантского лагеря, с его жизнеутверждающим оптимизмом, мы обнаруживаем лишь несколько медиумических "спасительных кругов", чье назначение главным образом в том, чтобы помершему донести, что он действительно помер.

В целом, у нас нет ничего на Западе в какой-нибудь степени сравнимого с Барда Тодол, за исключением определенных тайных наставлений, которые недоступны широкой публике и обыкновенным ученым. В соответствии с традицией, Бардо Тодол также, кажется, было записана в разряд "тайных" книг, "закрытых", как ясно об это пишет доктор Звано-Венц в своем предисловии. Как таковая она формирует особую главу в магическом "излечении души", которое простирается даже после смерти. Этот культ смерти рационально зиждется на вере во вневременностьдуши, но его иррациональная основа обнаруживается в психологической нужде живых сделать" что-нибудь для ушедших.

Это простейшая нужда навязывает себя даже самым "просвещенным" индивидуумам, когда они сталкиваются со смертью близких или друзей. Вот почему, просвещение или непросвещение, у нас все еще существуют все виды церемоний по покойникам.

Если Ленин был подвергнут забальзамированию и выставлен напоказ в пышном

мавзолее как египетский фараон, мы можем быть совершенно уверены, - это не потому, что его последователи верили в воскресение его тела.

Исключая Мессу, которую служат заупокой в Католической Церкви, обеспечение, которым мы запасаем, снабжаем помершего, - рудиментарно и стоит на нижнем уровне качества.

Не потому, что мы не способны убедить себя в бессмертии души, а потому, что мы рационально исключили вышеупомянутую психологическую нужду из нашего существования. Мы ведем себя так, будто в том не нуждаемся, а поскольку мы не можем поверить в жизнь после смерти, мы предпочитаем вообще никак этого не касаться.

Люди попроще следуют своим чувствам и, как в Италии, ставят себе надгробные памятники "жутких" красот. Католическая Месса по душе по уровню значительно выше этого, потому что она выразительно предуготована покойному и имеет цель юблагоденствие души покойного, а не является простым удовлетворением слезливых чувств.

В Бардо Тодол с уверенностью можно обнаружить высшее применение духовных усилий в интересах усопшего. Они так подробны и основательно приспособлены к очевидным изменениям в состоянии помершего, что любой серьезный читатель должен спросить себя, а не могло ли быть так, что эти мудрые старые ламы, в конце концов, поймали отсвет четвертого измерения и сдернули малость покрывало с величайшей тайны жизни?

Если правда обречена на то, чтобы всегда разочаровывать, возникает почти искушение допустить хоть такую реальность, какая содержится в видениях жизни Бардо. Во всяком случае, неожиданно и так оригинально, если ничего другого, обнаружить послесмертное состояние. из которого наше религиозное воображение сформовало самые грандиозные концепции, нарисованные зловещими тонами, в виде ужасающего сновидения, которое последовательно **деградирует.**

Наивысшее видение появляется не в конце Бардо, а в самом начале, в момент смерти. Что случается после - это все углубляющийся спуск в иллюзии и мглу, вниз до самого

дна деградации в новом физическом рождении. Духовный взлет, вершина, достигается в момент, когда заканчивается жизнь. Человеческая жизнь, таким образом, превращается в колесницу высочайшего совершенства. какого можно достичь. Она сама порождает карму, которая позволяет умершему пребыть в вечном свете Зияния /Опорожнения/, без нужды прилепляться к предметам, и таким способом отдохнуть на ступице колеса новых рождений, освобожденным от всех иллюзий рождения и распада.

Жизнь в Бардо не влечет ни вечного вознаграждения, ни наказания, но простой спуск в новую жизнь, которая подвигнет человека ближе к конечной цели Спасения. Но эту эсхатологическую цель именно он сам привносит в рождение, как последний и наивысший по качеству плод трудов и упований жизненного существования. Такой взгляд не только величественен и высок, он мужественный и героический.

Деградирующий характер жизни в Барда подкрепляется спиритуалистической литературой Запада. которая снова и снова снабжает нас одним тошнотворным впечатлением крайней бессодержательности и банальности коммуникаций, сообщений из "мира духов". Ученые мозги не колеблясь объясняют эти сообщения эманациями из подсознания "медиумов" и тех, кто принимал участие в сеансах, и даже простирают подобные объяснения на описания Загробности в Тибетской Книге Мертвых. Неоспоримо, что вся книга порождена архетипическим содержанием подсознания. Сверх того не существует /и тут наше Западное мышление право/ ни физической, ни метафизической реальностей, но "просто" и лишь реальность психических фактов, информация психического опыта. И это именно то, что умерший должен распознать, если еще при жизни ему не стало ясно, что его собственное психическое Себя и Поставщик всех сведений - это одно и то же.

Мир богов и духов воистину "ничто иное, как" коллективное бессознательное внутри меня. Поворотим это предложение так, чтобы оно гласило: Коллективное Бессознательное - есть мир богов и духов вне меня. Чтобы понять это - не надо интеллектуальной акробатики, нужно время одной человеческой жизни целиком, может, даже много жизней все возрастающей "завершенности", полноты. Заметьте, я не говорю "возрастающего совершенства", потому что те, кто "совершенны", - совершают иные открытия, нежели эти.

Барда Тодол была "закрытой" книгой и таковой осталась, вне зависимости от комментариев, которые к ней могут быть написаны.

Потому что эта книга открывается лишь духовному пониманию, а эта способность никому не отпущена при рождении. Это способность, которую человек однако может приобрести развитием и особым опытом.

Прекрасно, что такие, годные для всех намерений и целей, "бесполезные" книги существуют. Они предназначаются для тех странных чудаков, которые уже больше не придают большого значения использованию, целям и смыслу сегодняшней "цивилизации".